

А.С. Крамаренко

A. Kramarenko

**НОВАЯ ДИАСПОРА?
ВОЗМОЖНОСТИ И
ИНСТРУМЕНТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С
РОССИЙСКИМИ
РЕЛОКАНТАМИ В
СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ И ЮЖНОГО
КАВКАЗА**

**A NEW DIASPORA?
OPPORTUNITIES AND
TOOLS FOR ENGAGEMENT
WITH RUSSIAN
RELOCANTS IN CENTRAL
ASIA AND THE SOUTH
CAUCASUS**

Аннотация

Статья посвящена анализу релокации российских граждан в страны Центральной Азии и Южного Кавказа в 2022 году. Цель исследования – выявить возможности и ограничения вовлечения российских релокантов в развитие двусторонних связей России со странами Центральной Азии и Южного Кавказа и разработать рекомендации по выстраиванию долгосрочного взаимодействия с данной категорией граждан. Для достижения поставленной цели решались задачи анализа динамики релокации, выявления структурно-демографических особенностей релокантов первой и второй волн, оценки перспектив использования потенциала релокантов для развития двусторонних связей, а также разработки практических рекомендаций по восстановлению доверия и сохранению связей с данной категорией граждан.

Методологическую основу составили общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, системный подход, статистический анализ данных, вторичный анализ результатов социологических опросов, а также метод кейс-стади при изучении международного опыта диаспоральной политики Китая, Мексики и Австралии.

В результате исследования выявлена двухволновая структура релокации. Участниками первой волны стали преимущественно IT-специалисты, менеджеры и представители творческих профессий, второй волны – более широкий спектр специальностей, включая работников сферы услуг. Социально-демографический портрет релокан-

Abstract

The article examines the relocation of Russian citizens to Central Asia and the South Caucasus in 2022. The study seeks to identify both the potential for and the limitations of engaging these relocants in the development of bilateral relations between Russia and the countries of Central Asia and the South Caucasus, and to formulate recommendations for establishing long-term interaction with this group. To this end, the research addresses several objectives: analysing the dynamics of the relocation; identifying the structural and demographic characteristics of relocants from the first and second waves; assessing the prospects for relocants to contribute to bilateral ties; and devising practical recommendations for rebuilding trust and maintaining connections with this population. The methodological framework draws on general scientific methods of analysis and synthesis, comparative analysis, a systems approach, statistical data analysis, secondary analysis of sociological survey data, as well as a case study method applied to the international diaspora policies of China, Mexico, and Australia. The findings reveal a two-wave structure to the relocation. The first wave consisted primarily of IT specialists, managers, and those in creative professions, while the second wave encompassed a broader range of occupations, including service sector workers. The socio-demographic profile of relocants is characterised by a predominance of individuals aged 25 to 35 with higher education, originating from major

тов характеризуется доминированием молодых людей в возрасте 25-35 лет с высоким образованием, выходцев из крупных городов. Зафиксирован устойчивый ценностно-политический разрыв между релокантами и официальным курсом, что в краткосрочной перспективе исключает их вовлечение в развитие двусторонних связей. При этом сохраняются тесные социальные, экономические и информационные связи релокантов с Россией.

Выводы исследования обосновывают необходимость выработки долгосрочной стратегии, ориентированной на постепенное восстановление доверия и сохранение устойчивых связей с релокантами. Предложен комплекс практических рекомендаций, включающий расширение спектра консульских услуг, реализацию образовательных и языковых программ, создание кризисных центров при консульствах, интенсификацию взаимодействия с организациями соотечественников и повышение информационной открытости консульских учреждений. Реализация предлагаемых мер в форме пилотных проектов в Казахстане, Киргизии, Грузии и Армении способна в долгосрочной перспективе создать предпосылки для расширения гуманитарного и культурного присутствия России в регионе.

Ключевые слова:

релокация, эмиграция, человеческий капитал, диаспора, транснационализм, Центральная Азия, Южный Кавказ.

urban centres. A persistent divergence in values and political orientations between relocants and the official policy line was observed, precluding their involvement in the development of bilateral ties in the short term. Nevertheless, relocants maintain close social, economic, and informational ties with Russia.

The study's findings highlight the importance of developing a long-term strategy focused on gradually rebuilding trust and preserving sustainable connections with relocants. A set of practical recommendations is proposed, including expanding the range of consular services, implementing educational and language programmes, establishing crisis centres at consulates, intensifying engagement with compatriot organisations, and enhancing the informational transparency of consular offices. Implementing these measures as pilot projects in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Georgia, and Armenia could, over the long term, create the conditions necessary for broadening Russia's humanitarian and cultural presence in the region.

Key words:

relocation, emigration, human capital, diaspora, transnationalism, Central Asia, South Caucasus.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-108-131>

В 2022 году в результате двух волн эмиграции из России в основном в страны ближнего зарубежья выехало по разным оценкам порядка миллиона молодых, наиболее образованных и финансово обеспеченных граждан. Для многих из них данные государства стали транзитными на пути в Европу, Турцию и США, но значительная доля россиян выбрали страны центрально-азиатского и южнокавказского регионов в качестве постоянного места проживания.

Процесс релокации имел ряд краткосрочных негативных эффектов для российской экономики, включая временное сокращение налоговых поступлений и падение деловой активности вследствие снижения внутреннего спроса. Однако более серьезные вызовы носят долгосрочный характер и связаны с обострением дефицита квалифицированных кадров на рынке тру-

да, ростом структурной и скрытой безработицы, усилением демографического давления, а также замедлением темпов технологического развития из-за сокращения инновационного потенциала. Поскольку среди релокантов преобладали лица с высоким уровнем образования, оперативное восполнение утраченного человеческого капитала представляется маловероятным. При отсутствии целенаправленных мер по возвращению уехавших на преодоление негативных последствий потребуется не менее 7–10 лет, причем их полномасштабное проявление ожидается лишь в среднесрочной перспективе.

В сложившихся условиях перед Россией возникает дилемма. С одной стороны, политические установки большинства релокантов противоречат официальному курсу, что в краткосрочной перспективе исключает возможность их вовлечения в развитие двусторонних связей со странами-реципиентами. С другой, отказ от взаимодействия с этой категорией граждан означал бы безвозвратную потерю значительного интеллектуального, экономического и культурного ресурса.

О потенциальной ценности эмиграционных волн в долгосрочной перспективе свидетельствует опыт государств, выстроивших эффективные механизмы взаимодействия с собственной диаспорой. Наиболее показателен в этом отношении пример Китая, диаспоральная политика которого отличается гибкостью, разветвленностью и диверсифицированностью и служит основой для формирования транснационального китайского сообщества. Результатом этой политики стало превращение китайской диаспоры в значимый фактор инвестиционного развития страны и канал распространения китайской культуры за рубежом.

Таким образом, даже в условиях, исключающих продуктивное взаимодействие с релокантами в краткосрочной перспективе, перед Россией актуализируется задача формирования долгосрочной стратегии, нацеленной на постепенное восстановление доверительных отношений и поддержание устойчивых связей с данной категорией граждан. Интеграция релокантов в принимающие общества при сохранении их связей с исторической родиной способна в будущем создать основу для углубления политического, экономического и гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии и Южного Кавказа, а также для продвижения русского языка и культуры в регионе.

Релокация российских граждан в 2022 году активно изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Можно выделить работы, посвященные анализу причин и факторов эмиграции в контексте социально-демографической и профессиональной структуры релокантов (Борусяк, 2022); изучению влияния эмиграции 2022 года на российский рынок

труда и связей релокантов с российскими работодателями (Карцева, Флоринская, 2025); концептуализации российской релокации как фактора экономического влияния на страны приема и элемента геополитической борьбы (Пономарева, Арляпова, 2025); исследованию воздействия массовой миграции из России после сентября 2022 года на социально-экономическую ситуацию в Центральной Азии (Kadyrbek, Orakbayeva, 2024); восприятию российских релокантов населением принимающих стран (Атанесян, 2023), идентичности и политическим взглядам релокантов на Южном Кавказе (Baranova, Podolsky, 2024; Krawatzek, Soroka, DeSisto, 2023), а также анализу структуры и динамики релокации в различные страны (Тольц, 2023; Бредихин, 2024; Молдован, 2023).

Важное место занимают социологические исследования российских релокантов, которые проводятся в том числе представителями самой эмиграционной волны 2022 года – академическими учеными, оказавшимися за рубежом. Среди наиболее значимых проектов следует отметить OutRush – масштабное лонгитюдное исследование, реализуемое группой социологов из европейских и американских университетов. Проект отслеживает в динамике интеграцию, доходы и политические взгляды релокантов; на данный момент проведено уже четыре волны социологических опросов, в которых приняли участие более 18 000 человек из свыше 100 стран.

Примечательно, что, несмотря на устойчивый исследовательский интерес к феномену релокации российских граждан в 2022 году, практически отсутствуют работы, посвященные анализу перспектив, возможностей и инструментов взаимодействия с новой диаспорой. Настоящая работа призвана восполнить эту лакуну.

Цель исследования – выявить возможности и ограничения вовлечения российских релокантов в развитие двусторонних связей России со странами Центральной Азии и Южного Кавказа и разработать рекомендации по выстраиванию долгосрочного взаимодействия с данной категорией граждан. Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) проанализировать динамику эмиграции и структурно-демографические характеристики релокантов; 2) оценить перспективу использования потенциала релокантов для развития и углубления двусторонних связей со странами-реципиентами и продвижения русского языка и культуры; 3) сформулировать практические рекомендации по восстановлению доверия и выстраиванию долгосрочных отношений с релокантами.

Теоретическую основу исследования составили теории диаспоры и транснационализма. Автор придерживается конструктивистского подхода к трактовке диаспоры, отрицая эссенциализацию идентичности, представле-

ние о целостности и неизменности диаспоры во времени, а также доминирование диаспоральной идентичности по отношению к индивидуальным идентичностям и социальным практикам (Faist, 2010, p. 28).

Автор использовал сравнительный анализ и системный подход, статистический анализ и вторичный анализ социологических данных, контент-анализ и кейс-стади.

Транснационализм в миграционных исследованиях описывает ситуацию, при которой мигранты не ассимилируются полностью, а поддерживают регулярные и устойчивые контакты со страной исхода, существуя одновременно в двух или более социальных полях (Костенко, 2014). Теория транснационализма позволяет рассматривать российских релокантов как субъектов, сохраняющих устойчивые социальные, экономические и эмоциональные связи с Россией при одновременной интеграции в принимающие общества. При этом использование термина «релокация» представляется методологически обоснованным именно в контексте транснационального подхода. Данный термин, получивший широкое распространение применительно к событиям 2022 года, отражает специфику последней волны российской эмиграции: с одной стороны, ее вынужденный характер, обусловленный внешними обстоятельствами, с другой – сохранение регулярного взаимодействия с Россией, что отличает релокантов от классических эмигрантов, ориентированных на окончательный разрыв и полную интеграцию в общество страны пребывания.

Релокация россиян в 2022 году в страны ближнего и дальнего зарубежья стала самым массовым миграционным оттоком населения из России за последние десятилетия и была обусловлена ростом социально-экономической нестабильности и противоречий в российском обществе, получившими развитие после обострения украинского конфликта 24 февраля 2022 года. Оценки численности уехавших и вернувшихся россиян остаются предметом дискуссий, что объясняется несовершенством миграционной статистики (Чудиновских, 2017). Высокая динамика и многообразие форм миграции объективно затрудняют точный подсчет. Проблема усугубляется, в частности, тем, что Росстат фиксирует эмигрантов лишь по факту снятия с учета по месту жительства, а зеркальная статистика стран ближнего зарубежья, детализированная по гражданству въезжающих и выезжающих, зачастую отсутствует в открытом доступе. Перечисленные методологические ограничения не позволяют рассматривать абсолютные показатели 2022 года как точную оценку реальной численности выбывших. Фиксируемая статистика отражает прежде всего направление потока, а не его национальный состав и итоговый объем. Поэтому корректно интерпретировать данные

можно лишь в сравнении: сопоставление показателей 2022 года с предшествующими и последующими периодами позволяет проследить направление и динамику миграции.

Согласно различным источникам, численность покинувших страну в 2022 году россиян варьируется в диапазоне от 500 (Парма, 2025, с. 86) до 800 тыс. человек. По данным исследователей из РАНХиГС из России уехали порядка 650 тыс. человек (Карцева, Флоринская, 2025, с. 121). По оценкам Prague Process, основанным на доступных статистических данных России и стран приема, с 24 февраля 2022 года по 24 февраля 2023 года страну предположительно покинули от 700 000 до 1 200 000 человек¹. Оценки количества вернувшихся, опубликованные в последние годы, варьируются в значениях от 10 до 45%, однако многие из этих исследований не имеют опубликованной методологии оценки, по которой можно было бы судить об их надежности. По данным проекта OutRush, за период с лета 2023 по лето 2024 года в Россию вернулись 8% релокантов и еще 21% переехали в другие страны (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025).

Релокация 2022 года имела выраженную двухволновую структуру. Первая волна была инициирована событиями 24 февраля 2022 года и длилась вплоть до конца августа 2022 года. В этот период Россию покинуло около 420 тыс. человек, преимущественно работников сферы IT-индустрии, предпринимателей и представителей творческих профессий.

Вторая волна, начавшаяся после объявления мобилизации 21 сентября и продолжавшаяся до конца года, отличалась как масштабом, так и составом участников. Численность выехавших в этот период оценивается примерно в 700 тысяч человек. Социально-профессиональный профиль мигрантов стал более разнородным, поскольку основным мотивом для релокации стало стремление избежать призыва.

Что касается официальных данных, то в 2022 году наблюдался минимальный миграционный прирост (61,9 тыс. чел.) за рассматриваемые 10 лет за счет существенного увеличения числа выбывших из России, которое составило 668,4 тыс. человек. Этот показатель в 2,8 раза превышает данные 2021 года (на 430,4 тыс. чел.) и в 1,4 раза (на 180,7 тыс. чел.) – 2020 (диаг. 1).

¹ Гулина, О. Р. (2021). Миграция как (гео)политический вызов на постсоветском пространстве. <https://infosphereinvaders.wilsoncenter.org/book/migration-geo-political-challenge-post-soviet-space>

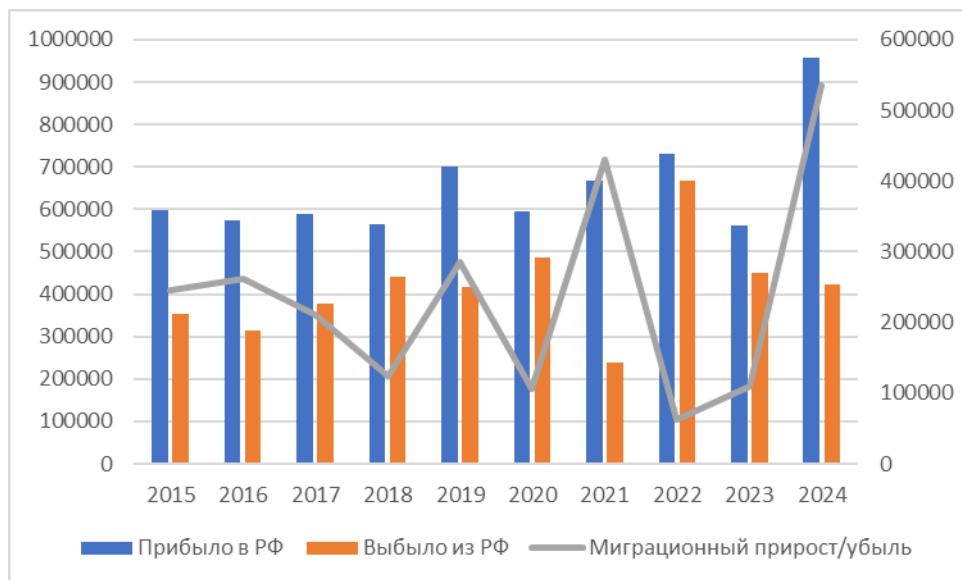

Диаграмма 1 – Динамика международной миграции в России, 2015-2024 гг¹.

Наиболее популярными направлениями выезда из России стали страны Южного Кавказа и Центральной Азии – 64% от общего числа покинувших Россию в 2022 году, в 2021 году этот показатель был на 6,8% ниже (57,2%). Наибольшее увеличение миграционного оттока из России в страны региона зафиксировано в направлении Туркмении – он вырос в 4,9 раза, далее следуют Киргизия (в 3,7 раза), Таджикистан (в 3,2 раза), Узбекистан (в 3,07 раза) и Азербайджан (в 3 раза). В Казахстан, Армению и Грузию поток увеличился в 2,84, 2,82, 2,3 раза соответственно (диаг. 2). Выбор республик Центральной Азии и Южного Кавказа в качестве стран назначения был предопределен совокупностью факторов: географической близостью, устойчивыми культурно-историческими связями, а также сравнительно низкими социально-экономическими и юридическими барьерами. Сочетание этих условий обеспечивало минимальные издержки при переезде: с одной стороны, либеральные нормы миграционного законодательства в принимающих странах упрощали въезд и пребывание, с другой – благожелательное отно-

¹ Российский статистический ежегодник, 2016-2024 гг.
<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> для 2017-2023 гг., Социально-экономическое положение России (январь 2025).
https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_01-2025.htm

шение местного населения способствовало быстрой социальной адаптации российских релокантов¹.

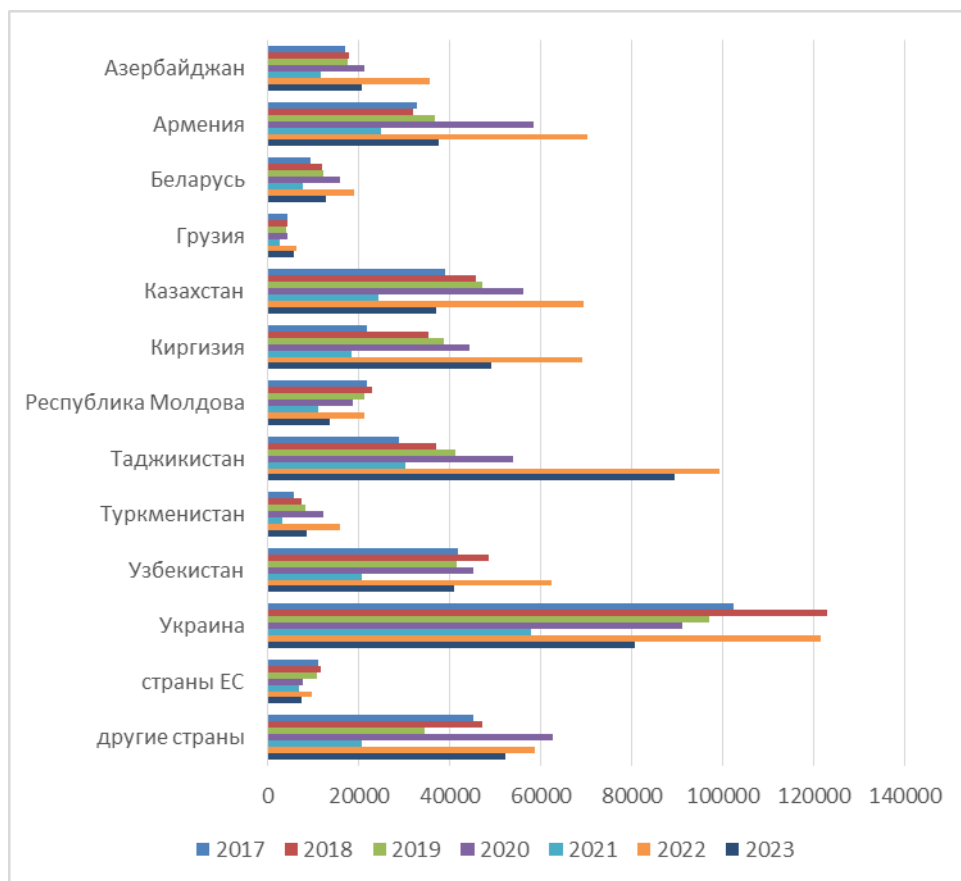

Диаграмма 2 – Статистика выбытия (международная миграция), 2017-2023 гг., чел².

Еще более показательной динамика оттока становится при сравнении данных за 2022 год с ретроспективными выборками доковидного периода (2017–2019 гг.) как в абсолютных, так и в относительных величинах. По итогам 2022 года число эмигрантов из России в страны ближнего зарубежья

¹ Матвеева-Мельник, М. (2022). «Люди в шоке от того, как их здесь принимают»: как в Средней Азии помогают россиянам. Forbes. <https://www.forbes.ru/forbeslife/478961-ludi-v-soke-ot-togo-kak-ih-zdes-prinimaut-kak-v-srednej-azii-pomogaut-rossianam>

² Российский статистический ежегодник, 2018-2024 гг. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

увеличилось в большинстве случаев в 1,4–3,4 раза. Так, например, выезд Таджикистан вырос до 99,3 тыс. человек (против средних 35,6 тыс. в 2017–2019 гг.), а в Армению – до 70,2 тыс. (против 33,9 тыс.).

Более точное представление о масштабах и волнах релокации позволяют получить данные ФСБ России о числе выездов российских граждан за рубеж. В отличие от методологии Росстата, учитывающей при расчете международной миграции также иностранных граждан и лиц без гражданства, статистика ФСБ фиксирует исключительно выезды граждан России. Однако при работе с данными о пересечении государственной границы важно учитывать, что эти показатели отражают общее количество трансграничных перемещений, а не уникальных лиц. В связи с этим данные представляют ценность прежде всего для анализа динамики процессов, а не для оценки абсолютного числа мигрантов.

Во втором, третьем и четвертом кварталах 2022 года отчетливо виден значительный рост числа выездов граждан России в сопредельные государства (диаг. 3).

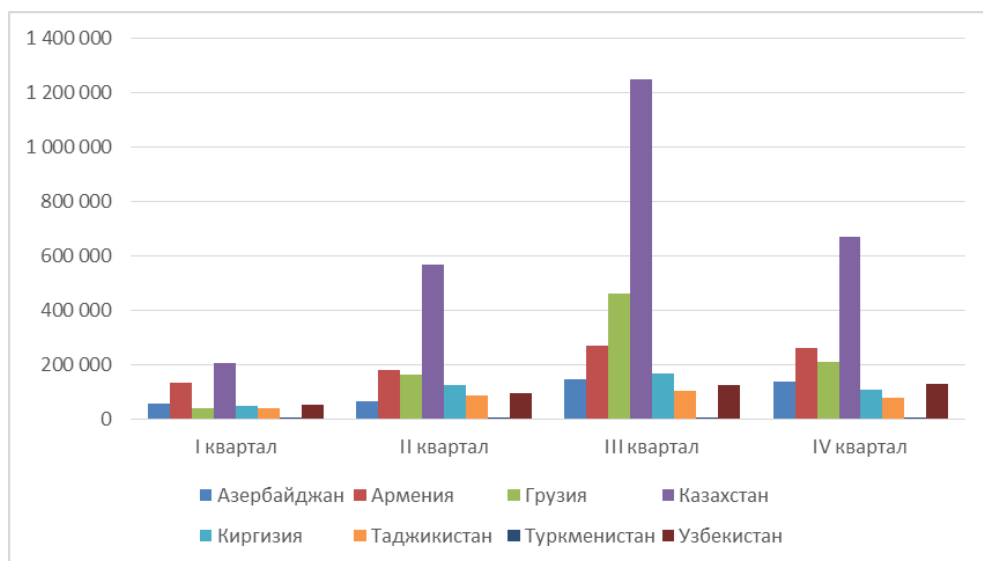

Диаграмма 3 – Статистика выездов граждан России в 2022 году, чел.¹.

Сопоставление показателей 2022 года с усредненными значениями количества выездов за доковидный период (2017–2019 гг.) демонстрирует

¹ ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/38480>

существенную интенсификацию поездок российских граждан. Кратность роста варьировалась в пределах 1,7–2,3 раза для Армении, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, достигая 2–3-кратного увеличения в наиболее активном III квартале. Примечательно, что в 2023 г. повышение выездной активности наблюдалось по всем указанным направлениям за исключением Таджикистана (табл. 1).

Таблица 1. Статистика выездов граждан России в страны Центральной Азии и Южного Кавказа, 2017–2019, 2021, 2022 гг., чел.

Средние значения за 2017–2019 гг.					
Страна	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	всего
Азербайджан	145 741	208 188	255 240	174 388	783 557
Армения	88 998	130 997	150 954	123 507	494 456
Грузия	178 483	343 336	438 828	223 473	1 184 119
Казахстан	566 072	848 854	1 120 776	723 985	3 259 686
Киргизия	48 752	81 392	83 840	53 035	267 020
Таджикистан	29 958	42 290	43 323	34 756	150 326
Туркмения	6 658	6 340	7 999	7 709	28 707
Узбекистан	32 783	53 522	49 838	43 819	179 961
2021 год					
Азербайджан	20 378	50 942	73 243	71 928	216 491
Армения	44 586	117 577	171 354	144 364	477 881
Грузия	8 504	28 456	65 401	49 655	152 016
Казахстан	122 330	195 845	248 101	239 413	805 689
Киргизия	45 222	87 012	87 525	59 090	278 849
Таджикистан	8 857	17 713	26 670	45 042	98 282
Туркменистан	1 023	2 444	1 588	1 041	6 096
Узбекистан	15 206	63 242	69 869	55 126	203 443
2022 год					
Азербайджан	56 475	64 506	145 341	136 399	402 721
Армения	134 129	179 817	267 371	261 476	842 793
Грузия	38 281	163 347	461 224	210 530	873 382
Казахстан	204 947	568 285	1 249 553	669 748	2 692 533
Киргизия	47 573	123 352	167 290	108 359	446 574
Таджикистан	40 054	86 474	103 900	75 746	306 174
Туркменистан	216	1 018	1 650	2 372	5 256
Узбекистан	53 084	96 473	126 039	130 070	405 666
2023 год					
Азербайджан	104 988	164 462	160 075	129 825	559 350
Армения	228 728	317 024	340 929	218 751	1 105 432
Грузия	135 104	262 547	487 323	228 999	1 113 973
Казахстан	556 783	801 257	1 005 705	578 532	2 942 277
Киргизия	74 874	141 550	148 905	79 202	444 531
Таджикистан	57 353	105 817	90 519	60 252	117 605
Туркменистан	2 405	2 464	2 935	2 978	10 782
Узбекистан	94 758	145 464	116 944	99 505	456 671
Соотношение 2022 / средние значения 2017–2019 гг.					

Азербайджан	0,4	0,3	0,6	0,8	0,5
Армения	1,5	1,4	1,8	2,1	1,7
Грузия	0,2	0,5	1,1	0,9	0,7
Казахстан	0,4	0,7	1,1	0,9	0,8
Киргизия	1,0	1,5	2,0	2,0	1,7
Таджикистан	1,3	2,0	2,4	2,2	2,0
Туркменистан	0,0	0,2	0,2	0,3	0,2
Узбекистан	1,6	1,8	2,5	3,0	2,3
Соотношение 2022 / 2021 год					
Азербайджан	2,8	1,3	2,0	1,9	1,9
Армения	3,0	1,5	1,6	1,8	1,8
Грузия	4,5	5,7	7,1	4,2	5,7
Казахстан	1,7	2,9	5,0	2,8	3,3
Киргизия	1,1	1,4	1,9	1,8	1,6
Таджикистан	4,5	4,9	3,9	1,7	3,1
Туркменистан	0,2	0,4	1,0	2,3	0,9
Узбекистан	3,5	1,5	1,8	2,4	2,0
Соотношение 2023 / 2022 год					
Азербайджан	1,9	2,5	1,1	1,0	1,4
Армения	1,7	1,8	1,3	0,8	1,3
Грузия	3,5	1,6	1,1	1,1	1,3
Казахстан	2,7	1,4	0,8	0,9	1,1
Киргизия	1,6	1,1	0,9	0,7	1,0
Таджикистан	1,4	1,2	0,9	0,8	0,4
Туркменистан	11,1	2,4	1,8	1,3	2,1
Узбекистан	1,8	1,5	0,9	0,8	1,1

Анализ социально-демографического профиля релокантов, покинувших Россию и направившихся в страны Центральной Азии и Южного Кавказа (независимо от времени выезда), показывает, что основную долю составляли лица в возрасте от 25 до 35 лет. Данная возрастная когорта, доля которой среди всех уехавших достигает 47%, является более молодой по сравнению со среднестатистическим населением России. В контексте формирования человеческого капитала эта группа представляет особую ценность, поскольку именно на этот возрастной интервал приходится пик накопления профессиональных знаний и опыта.

Большая часть среди уехавших – выходцы из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов – миллионников или близких к ним по числу населения, доля мужчин и женщин примерно одинакова. Стоит также отметить, что основная масса покинувших Россию специалистов имела высшее образование, а часть из них обладала учеными степенями – примерно 80% от всех релокантов. Более того, около половины из них являлись, как правило, руководителями среднего звена. В совокупности это подтверждает и дополняет утверждение о том, что значительное число релокантов на момент своего отъезда из РФ было обеспеченными людьми.

Сравнительный анализ социально-демографических характеристик релокантов первой и второй волн позволяет выявить ряд изменений. Медианный возраст релокантов первой волны составил 32 года. В этот период из страны выезжали преимущественно бездетные семьи, а также пары, не состоявшие в браке. Важно также учитывать, что часть релокантов планировала переезд еще до 24 февраля 2022 г. и последующих событий. В этом контексте политическая нестабильность 2022 года выступила катализатором, ускорившим реализацию ранее намеченных планов в связи с опасениями относительно дальнейшей невозможности выезда.

Во время второй волны, вызванной объявлением частичной мобилизации, портрет релокантов изменился. В этот период из страны уезжали преимущественно мужчины призывного возраста, в том числе те, кто раньше не планировал эмигрировать. Согласно данным The International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), в этот период Россию покинуло около 2/3 (584 тыс. чел) от общего числа релоцировавшихся за весь 2022 год. Кроме эффекта частичной мобилизации, сохранялись причины, которые мотивировали людей эмигрировать во время первой волны.

Различия наблюдаются и в профессиональном профиле релокантов. Весной 2022 года отток специалистов затронул преимущественно ограниченный круг сфер: IT, маркетинг, СМИ, инвестиции, управление персоналом, науку и образование. Однако осенью, после объявления мобилизации, новая волна релокации включала уже представителей иных профессиональных областей, не характерных для первой волны. Речь идет главным образом о лицах с гуманитарным образованием, а также о работниках сферы услуг. Многие из них рассчитывали на трудоустройство в таких отраслях, как фитнес-индустрия и бьюти-сфера, строительство, медицина, добыча сырья, автомобильный бизнес, туризм и торговля. В странах Центральной Азии и Южного Кавказа они столкнулись с проблемой существенного превышения предложения рабочей силы над спросом в данных сегментах.

Профессиональную структуру релокантов можно условно разделить на три крупные категории. Первая и наиболее многочисленная – специалисты IT-индустрии. Несмотря на внутреннюю неоднородность данной группы, в ней преобладали средне- и высококвалифицированные работники. Вторую категорию составляли менеджеры из различных сфер. Третья, наиболее разнообразная, заметно расширилась после объявления частичной мобилизации; она включала представителей медиа и искусства, спорта, туризма и других областей. В рамках второй волны релокации произошла трансформация и внутри самой многочисленной категории. Поскольку в России работники IT-сферы с профильным высшим образованием не составляют большин-

ства (Таишева, 2022, с. 446), можно предположить, что среди IT-специалистов, покинувших страну осенью 2022 года, была значительной доля лиц, не имевших высшего образования. Их выезд был мотивирован отсутствием гарантий получения отсрочки («брони»). В целом спрос среди релокантов был ориентирован на сферы интеллектуального труда, требующие высокого уровня профессиональной квалификации. Анализ данных по Азербайджану, Армении, Грузии и Узбекистану показывает, что тройку наиболее популярных направлений по количеству поданных резюме составляют IT, творческие специальности и управленческие позиции – программисты, дизайнеры и руководители проектов.

Анализ перспектив использования интеллектуального, экономического и культурного потенциала релокантов в странах Центральной Азии и Южного Кавказа для укрепления гуманитарного присутствия России и углубления двусторонних связей со странами-реципиентами приводит к неоднозначным выводам. Имеющиеся данные и экспертные оценки свидетельствуют скорее о низкой вероятности реализации такого сценария в текущих условиях, хотя теоретически диаспора остается важным каналом сохранения и распространения русского языка и культуры за рубежом.

Основным препятствием для вовлечения релокантов в развитие двусторонних экономических и культурно-гуманитарных связей выступает их доминирующая политическая и ценностная ориентация. В основном это люди, разделяющие либерально-демократические ценности и обладающие активной гражданской и политической позицией (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 43). Начиная с 2014 года и по настоящее время именно политические мотивы являются наиболее распространенными среди причин эмиграции. Хотя не все покинувшие страну после 24 февраля 2022 г. руководствовались исключительно политическими соображениями, они составляют большинство: 78% респондентов указывают в качестве ключевой причины несогласие с политической властью, 23% – опасения политических преследований, 32% – угрозу мобилизации (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 21).

Данные опросов подтверждают, что политический разрыв между релокантами и официальным курсом Москвы носит устойчивый характер и слабо дифференцирован в зависимости от времени выезда. Согласно ряду исследований, среди релокантов в Грузии 69% поддерживают Украину в российско-украинском конфликте, а в Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове этот показатель достигает 74%. При этом различия между волнами минимальны: среди покинувших Россию с февраля по август 2022 года Украину поддерживают 74%, среди выехавших в сентябре или позднее – 70%.

Еще более показательными являются данные об отношении к политике российских властей. Релоканты в постсоветских странах демонстрируют значительно более высокий уровень ее неприятия по сравнению с уехавшими в Европу. В Грузии полностью или частично поддерживают политику руководства России лишь 3,5% опрошенных, в Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове – 3%, тогда как не одобряют 88% и 86% соответственно. В ответах на этот вопрос разрыв между волнами также незначителен: доля не одобряющих политику среди уехавших в феврале–августе 2022 года составляет 91%, среди уехавших в сентябре или позднее – 89%.

Таким образом, отчетливо выраженная политическая позиция и критический настрой по отношению к действиям российских властей, фиксируемые вне зависимости от времени выезда, существенно осложняют возможность участия релокантов в инициативах, направленных на развитие двусторонних связей и поддержку гуманитарного присутствия России в принимающих государства.

Официальная риторика и практические шаги российских властей также не создают предпосылок для выстраивания конструктивного диалога с релокантами. В структурах государственного управления наиболее активная их часть воспринимается как источник репутационных и политических рисков. Представители власти опасаются, что релоканты взаимодействуют с финансируемыми американскими и европейскими структурами – неправительственными организациями в странах Центральной Азии и Южного Кавказа – и могут быть вовлечены в инициативы, направленные на ослабление сотрудничества этих государств с Россией.

Вместе с тем, несмотря на политический разрыв, релоканты сохраняют тесные связи с российским обществом. Они регулярно общаются с друзьями и родственниками: доля тех, кто делает это несколько раз в месяц или чаще, с сентября 2022 года стабильно держится на уровне 90% (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 42). Увеличилось и число совершающих краткосрочные поездки в Россию – с 13% в 2023 году до 24% в 2024 году, еще столько же планируют посетить страну (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 42). Среди эмигрантов поддерживается высокий интерес к текущим событиям в России: согласно четвертой волне исследования проекта OutRush (июль–ноябрь 2024 года), 84,8% опрошенных включены в российскую политическую повестку, а 87% потребляют новости на русском языке (82% – из оппозиционных СМИ, 5% – из российских государственных медиа (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 46).

Сохраняются и экономические каналы связи. Значительная часть релокантов в странах СНГ – 23% против 9% в ЕС, – имеет основной источник

дохода в России, что создает не только экономическую зависимость, но и устойчивый канал для коммуникации. Что касается самоидентификации, то 39% респондентов в Грузии и 38% в Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове идентифицируют себя как «русские» и «россияне». Данный фактор потенциально может стать основой для культурной дипломатии и сохраняет возможности для взаимодействия с российскими релокантами в долгосрочной перспективе.

На данный момент перспективы вовлечения релокантов 2022 года, проживающих в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, в развитие двусторонних связей представляются минимальными. Их политические взгляды находятся в явном противоречии с официальным курсом российских властей, которые занимают по отношению к релокантам скорее критическую позицию, дистанцируясь от диалога с ними. С прагматической точки зрения, релоканты представляют собой преимущественно молодых, экономически активных и образованных людей, и их потенциальное возвращение в Россию могло бы стать важным ресурсом восполнения дефицита квалифицированных кадров. При этом возвращение в краткосрочной перспективе остается маловероятным для большинства из них.

Согласно данным опросов, лишь 5% релокантов планируют вернуться в Россию, тогда как 28% намерены переехать в другую страну в течение ближайшего года, а 55% допускают возможность возвращения только при условии политических изменений (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 13). В странах Центральной Азии и Южного Кавказа доля планирующих дальнейший переезд особенно высока: из Казахстана намерены уехать 40% релокантов, из Армении – 47%, из Грузии – 58% (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 16). Такая динамика, вероятно, связана с неустойчивостью их правового положения в этих государствах. При этом, несмотря на высокий отток, Грузия и Армения продолжают оставаться точками притяжения: около 11% всех сменивших страну пребывания респондентов переехали именно в эти республики (Камалов, Нугуманова, Сергеева, 2025, с. 17).

Среди проживающих в Грузии релокантов только 11% хотели бы вернуться в Россию, 41% рассматривают возвращение лишь при изменении ситуации в стране, а 36% не хотели бы возвращаться вовсе. В Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Молдове доля желающих вернуться еще ниже – 6%, при этом 48% готовы рассматривать возвращение только при изменении ситуации, а 31% исключают возвращение в принципе.

Вместе с тем исторический опыт показывает, что эмигранты, покинувшие родину в том числе и по политическим причинам, в долгосрочной перспективе нередко становятся значимым ресурсом для экономического роста,

инвестиций и распространения национальной культуры за рубежом. Например, китайская диаспора сегодня играет ключевую роль в поддержании экономического роста родной страны и продвижении китайской культуры в мире. Зарубежные китайцы стали первыми иностранными инвесторами в КНР в годы реформ и открытости, и их доля в общем объеме накопленных иностранных инвестиций в стране достигла порядка 65% (Анохина, 2012). Денежные переводы от зарубежных соотечественников способствовали повышению благосостояния более 30 млн китайских граждан. Кроме того, диаспора активно содействует реализации стратегии «выход за рубеж», инициативы «Пояс и путь», а также участвует в преодолении глобальных вызовов.

Зарубежные китайцы внесли существенный вклад и в развитие национального экспорта: в странах, где численность китайской диаспоры превышает 1% населения, фиксируется устойчивый рост торговли с Китаем в диапазоне 32-60% (Анохина, 2012). Таким образом, китайский опыт наглядно демонстрирует, что диаспора, даже сформировавшаяся в периоды политических потрясений, способна в долгосрочной перспективе стать значимым фактором экономического развития и культурного влияния страны исхода.

С учетом сказанного, даже в условиях, затрудняющих конструктивное взаимодействие с релокантами на текущем этапе, актуальной задачей для России становится формирование долгосрочной политики, нацеленной на последовательное укрепление доверительных отношений и поддержание устойчивых контактов с данной категорией граждан. Несмотря на отсутствие быстрых эффектов, это позволит заложить фундамент для углубления двустороннего сотрудничества с принимающими государствами, а также для сохранения и популяризации русского языка и культуры за пределами страны. По мнению автора, опирающегося на анализ международного опыта работы стран с собственной диаспорой (Agunias, Newland, 2012), целесообразным представляется использование следующих механизмов.

Во-первых, необходимо расширить перечень услуг, предоставляемых консульскими учреждениями, внедрив новые образовательные, правозащитные, медико-санитарные программы, а также инициативы, направленные на оказание психологической помощи. Важным условием является также повышение информированности диаспоры о деятельности консульств.

Во-вторых, требуется углубить и интенсифицировать взаимодействие консульств с общинами релокантов и организациями российских соотечественников.

Консульские службы являются основным промежуточным звеном взаимодействия государства с релокантами и диаспорой в целом, поскольку через предоставление консульских и иммиграционных услуг они участвуют в сохра-

нении правовой связи последних с государством. Эффективная работа консульских учреждений и ее квалифицированное информационное сопровождение, открытость и обеспечение обратной связи, повышение качества оказываемых услуг и внедрение правозащитных и образовательных программ продемонстрирует политически нейтральным релокантам стремление государства с ними взаимодействовать. В совокупности с другими факторами это будет способствовать развитию у них доверия к российским государственным институтам и постепенной трансформации их негативного восприятия.

Напротив, стратегия, направленная на сокращение количества консульских услуг, предоставляемых релокантам, представляется неэффективной и политически невыгодной с точки зрения перспектив выстраивания долгосрочных связей с релокантами, которые возможно использовать для укрепления двусторонних взаимоотношений России с государствами-реципиентами, расширения ее влияния и повышения социального капитала диаспоры.

Не только релоканты, но и соотечественники, длительное время проживающие в странах постсоветского пространства отличаются недоверием к государству и российским государственным институтам, и, как правило, не рассчитывают на получение правовой защиты и поддержки за рубежом со стороны России (Затулин, Егоров и др., 2023, с. 797-798). Несмотря на то, что в страновых Координационных советах российских соотечественников (КСОРС) существуют возможности получения юридических консультаций, а при Фонде поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, действуют центры правовой помощи, подавляющее большинство соотечественников не осведомлены ни о данных организациях, ни об их инициативах (Затулин, Егоров и др., 2023, с. 797-798).

По мнению российских соотечественников, в государствах постсоветского пространства, наиболее частой причиной нарушения их прав и дискриминации является невладение государственным языком страны проживания. Чаще всего об этом упоминают русские и русскоязычные, проживающие в странах, принявших российских релокантов в 2022 году – Грузии, Азербайджане, Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и, в меньшей степени, Казахстане и Армении (Затулин, Егоров и др., 2023, с. 797-798).

Учитывая доминирующее положение консульских учреждений в реализации диаспоральной политики, представляется важным не только повысить качество оказываемых услуг гражданам России, проживающим за рубежом, а также членам диаспоры (оптимизировать сайты консульств с точки зрения наполнения и оперативного обновления информации, улучшить или создать технические возможности для осуществления электронной записи и

проведения онлайн-консультаций, повысить качество консультирования и информирования населения диаспоры о своих инициативах), но и расширить их спектр, задействуя российские профильные министерства, неправительственные организации российских соотечественников, институты и организации государств Центральной Азии и Южного Кавказа.

Среди предлагаемых услуг, выходящих за рамки классических консульских, с учетом мирового опыта и запросов диаспоры, стоит отметить: образовательные программы и разнообразные тренинги; оказание услуг вакцинации и консультирования по возможностям получения медицинской помощи в стране пребывания; помощь российским гражданам в кризисной ситуации; проведение мероприятий по сохранению и развитию русского языка и культуры (фестивали, книжные клубы, кинопоказы). Показателен в этом отношении опыт Мексики, где на базе консульских учреждений в США при содействии местных организаций здравоохранения успешно реализуется программа «Окно здоровья» (*Ventanilla de Salud*), в рамках которой устанавливаются информационные модули, консультирующие по вопросам здравоохранения и направляющие посетителей в медицинские учреждения для получения недорогих услуг независимо от иммиграционного статуса. При сотрудничестве с местными организациями здравоохранения на базе российских консульств возможно проведение вакцинации российских граждан, проживающих за рубежом, осуществление консультаций по вопросам медицинского обслуживания и страхования в государстве-реципиенте, проведение для соотечественников семинаров по медицинской грамотности. Подобные инициативы, включая горячие линии для граждан, оказавшихся в больнице, существуют при консульствах Сальвадора, Гватемалы, Колумбии и Перу (Agunias, Newland, 2012).

Актуальным представляется обучение релокантов и соотечественников государственному языку страны проживания с целью улучшения их экономической и социальной интеграции в общества этих стран и минимизации дискриминации. Успешные примеры мексиканских и эквадорских консульств, проводящих не только языковые курсы для членов своей диаспоры, но и тренинги по финансовой грамотности, управлению капиталом и развитию лидерских навыков, подтверждают востребованность и эффективность таких программ. В частности, заслуживает внимания консульская программа предпринимательства для мексиканских женщин за рубежом (*El Programa Consular de Emprendimiento para Mexicanas en el Exterior – PCEME*), реализуемая мексиканскими консульскими службами в США, Канаде и ряде других стран, целью которой является обучение женщин-предпринимателей и

предоставление им инструментов для создания и укрепления бизнеса в стране проживания.

Посредством привлечения организаций российских соотечественников при консульских учреждениях предлагается открыть кризисные центры с возможностью психологического консультирования российских граждан, попавших в тяжелую жизненную ситуацию (например, женщин, столкнувшихся с домашним насилием).

Названные услуги возможно реализовать в форме пилотного проекта в тех странах постсоветского пространства, где проживает наиболее крупная российская диаспора, а также странах, принявших значительное число релокантов. Это будет способствовать установлению доверительных отношений и налаживанию взаимосвязей с российской диаспорой, усилению ее влияния на внутреннюю и внешнюю политику целевых стран.

Обучение на базе консульств на основе частно-государственного партнерства (в том числе в части финансирования) руководителей организаций соотечественников финансовому и проектному управлению, взаимодействию с государственными структурами принимающих стран, навыкам краудфандинга и поиску финансовых доноров среди российских соотечественников-предпринимателей, звезд спорта, культуры и шоу-бизнеса будет способствовать повышению потенциала диаспоры и увеличит ее возможности для привлечения средств на реализацию ориентированных на диаспору проектов. В будущем это сократит затраты государственного бюджета на финансирование деятельности диаспоральных организаций и инициатив, направленных на соотечественников.

В этом контексте интересен опыт Австралии, где в 2002 году группой специалистов в области финансов была создана некоммерческая организация Young Australian Professionals in America (YAPA), впоследствии переименованная в Global Australians и ставшая ведущей глобальной профессиональной сетью австралийцев, живущих за границей и объединяющей предпринимателей, деятелей культуры, ученых, государственных служащих австралийского происхождения более чем в 80 странах мира. Деятельность Global Australians сосредоточена на взаимодействии с сообществом австралийцев через проведение информационных и практических семинаров и мероприятий в разных форматах; информировании австралийских политиков о ценности глобальных талантов и проблемах диаспоры; создании наставнического контента (подкастов, интервью, тематических исследований); информационной деятельности, обеспечивающей связь австралийцев по всему миру с родиной через ежедневные публикации в социальных сетях, еженедельные информационные бюллетени и базу данных CRM (Customer

Relationship Management). На платформе также представлена информация о вакансиях и возможностях трудоустройства как в Австралии, так и за рубежом, программах наставничества и онлайн-обучения, реализуемых Global Australians, вопросах репатриации и эмиграции в другие страны.

Расширение консульских услуг и реализация предлагаемых инициатив позволит не только наладить связь с релокантами и диаспорой, формировать и продвигать положительный образ России за рубежом, интенсифицировать гуманитарное сотрудничество со странами Центральной Азии и Южного Кавказа, но и повысить потенциал российской диаспоры для дальнейшего выстраивания более эффективных взаимоотношений и усиления ее влияния на постсоветском пространстве.

Для реализации предлагаемых мер консульским структурам необходимо выстраивать партнерские отношения с российскими диаспоральными организациями, а также взаимодействовать с правительствами и институтами принимающих государств. Внедрение предложенных инструментов позволит не только установить доверительные отношения и наладить обратную связь между диаспорой и российским государством, но и нарастить социальный, экономический, политический и лоббистский потенциал диаспоры. В долгосрочной перспективе это создаст предпосылки для расширения российского политического, экономического и культурного присутствия в регионе, а также для формирования взаимовыгодных двусторонних отношений с целевыми государствами.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что релокация 2022 года стала крупнейшим миграционным оттоком из России за последние десятилетия. Страны Центральной Азии и Южного Кавказа выступили основными реципиентами, приняв, по разным оценкам, от 500 до 800 тыс. человек. Двухволновая структура эмиграции предопределила неоднородность состава выехавших: если весной преобладали IT-специалисты, менеджеры и представители творческих профессий, то осенью, после объявления мобилизации, к ним присоединились представители сферы услуг и гуманитарных специальностей. Социально-демографический портрет релокантов – молодые, образованные, экономически активные граждане из крупных городов – позволяет квалифицировать релокацию 2022 года как масштабный отток человеческого капитала, способный в среднесрочной перспективе обострить дефицит квалифицированных кадров и замедлить технологическое развитие России.

Оценка перспектив вовлечения релокантов в развитие двусторонних связей показала, что в текущих условиях такой сценарий маловероятен. Ключевым препятствием выступает устойчивый ценностно-политический разрыв: большинство релокантов критически настроены к политике россий-

ских властей, поддерживают Украину в конфликте и не разделяют официальный курс. При этом фиксируется парадокс: при сохранении тесных социальных, экономических и информационных связей, уровень доверия к государственным институтам остается крайне низким. Вместе с тем отказ от взаимодействия означал бы безвозвратную потерю значительного интеллектуального и культурного ресурса.

На основе анализа международного опыта в работе предложен комплекс рекомендаций, нацеленных на постепенное восстановление доверия и сохранение связей с релокантами в долгосрочной перспективе. Ключевым институциональным звеном выступают консульские учреждения. Рекомендации включают расширение спектра консульских услуг (образовательные, правозащитные, медицинские программы, психологическая помощь), реализацию языковых курсов для облегчения интеграции релокантов в принимающих странах, создание кризисных центров при консульствах, интенсификацию взаимодействия с организациями соотечественников и обучение их руководителей проектному управлению и фандрайзингу, а также повышение информационной открытости консульств. Апробацию предложенных мер целесообразно осуществить в формате пилотных проектов в государствах, где сосредоточена наиболее многочисленная российская диаспора, а также в странах, ставших основными реципиентами релокантов.

Предложенные инструменты ориентированы не на оперативное использование диаспорального ресурса, что в текущих условиях преждевременно, а на последовательное формирование доверительных отношений в расчете на стратегическую перспективу. В долгосрочном горизонте это способно создать предпосылки для расширения российского гуманитарного и культурного присутствия в регионе, развития двусторонних отношений со странами-реципиентами и трансформации релокантов из источника репутационных рисков в значимый ресурс мягкой силы.

Литература

Agunias, D. R., & Newland, K. (2012). *Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development: A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries*. International Organization for Migration (IOM). <https://publications.iom.int/books/developing-road-map-engaging-diasporas-development-handbook-policymakers-and-practitioners>

Baranova, V., & Podolsky, V. (2024). Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 15(3), 16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32>

Faist, T. (2010). Diaspora and Transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods* (pp. 9–34). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642387>

Kadyrbek, Zh. M., & Orakbayeva, U. M. (2024). Migration from Russia against the background of mobilization and their impact on the socio-economic situation of Central Asian countries. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*, 146(1), 129–140. <https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/166>

Krawatzek, F. Soroka G., & DeSisto I. (2023). Russians in the South Caucasus: Political Attitudes and the War in Ukraine (ZOIS Report). <https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-report/russians-in-the-south-caucasus-political-attitudes-and-the-war-in-ukraine>

Анохина, Е. С. (2012). «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томский государственный университет.

Атанесян, А. В. (2023). «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении. *Социологические исследования*, (6), 112–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250026383-4>

Борусяк, Л. (2022). Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России? *Palladion*, 98–115. <https://doi.org/10.55167/29b32cb46280>

Бредихин, А. В. (2024). Миграция россиян в Монголию: исторический и социологический аспект. *Народонаселение*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165>

Затулин К. Ф., Егоров В. Г., Докучаева А. В., Крамаренко А. С., Сакулин С. В., Савина О. В., Авимская М. А., Кузнецова Ю. Ю., Линник Т. С. (2023). Правовое положение соотечественников, проживающих в странах постсоветского пространства: сравнительный анализ. *Прометей*.

Карцева, М. А., & Флоринская, Ю. Ф. (2025). Новые эмигранты и российский рынок труда: эмпирический анализ. *Проблемы прогнозирования*, (4(211)), 121–132. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132>

Костенко, В. В. (2014). Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 62–76.

Молдован, А. А. (2023). Влияние российской миграции на экономику стран-доноров в 2022 году на примере Азербайджана, Армении, Казахстана, Узбекистана и Грузии. *Московский экономический журнал*, (10), 78–86.

Парма, Р. В. (2025). Эмиграционные установки и действия российской молодежи в 2020–2025 гг. *Власть*, (5), 80–90. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-80-90>

Пономарева, Е. Г., & Арляпова, Е. С. (2025). Релокация 2022-2023 как фактор мировой политики: понятие, оценки, цифры. Вестник международных организаций, 20(3). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-02-09>

Таишева, В. В. (2022). Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 24(3), 460–479. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479>

Тольц, М. (2023). Эмиграция из России в Израиль: динамика потока и его составляющие в 1990-2023 гг. Демографическое обозрение, 10(4), 52–68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18808>

Чудиновских, О. С. (2017). О понимании статистики миграции. Вопросы статистики, (5), 19–27.

References

Agunias, D. R., & Newland, K. (2012). *Developing a road map for engaging diasporas in development: A handbook for policymakers and practitioners in home and host countries*. International Organization for Migration (IOM). <https://publications.iom.int/books/developing-road-map-engaging-diasporas-development-handbook-policymakers-and-practitioners>

Anokhina, E. S. (2012). "Novaya" kitayskaya migratsiya i politika KNR po ee regulirovaniyu ["New" Chinese migration and China's policy for its regulation]. Tomskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.)

Atanesyan, A. V. (2023). "Russkie relokanty" v vospriyatii molodezhi Armenii ["Russian relocants" in the perception of Armenian youth]. *Sociological Studies*, (6), 112–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250026383-4> (In Russ.)

Baranova, V., & Podolsky, V. (2024). Life in motion: Mobility and identity among Russian migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 15(3), 16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32>

Borusyak, L. (2022). Novaya volna vysokobrazovannoy emigratsii: pochemu oni uezzhayut iz Rossii? [New wave of highly educated emigration: Why do they leave Russia?]. *Palladion*, 98–115. <https://doi.org/10.55167/29b32cb46280>

Bredikhin, A. V. (2024). Migration of Russians to Mongolia: Historical and sociological aspect. *Population*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165>

Chudinovskikh, O. S. (2017). On understanding migration statistics. *Statistical Issues*, (5), 19–27.

Faist, T. (2010). Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and transnationalism: Concepts, theories and methods* (pp. 9–34). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642387>

Kadyrbek, Zh. M., & Orakbayeva, U. M. (2024). Migration from Russia against the background of mobilization and their impact on the socio-economic situation of Central

Asian countries. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*, 146(1), 129–140. <https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/166>

Kartseva, M. A., & Florinskaya, Yu. F. (2025). New emigrants and the Russian labor market: An empirical analysis. *Problems of Forecasting*, (4(211)), 121–132. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-121-132>

Kostenko, V. V. (2014). Theories of migration: From assimilation to transnationalism. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 62–76. (In Russ.)

Krawatzek, F., Soroka, G., & DeSisto, I. (2023). *Russians in the South Caucasus: Political attitudes and the war in Ukraine* (ZOiS Report). <https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-report/russians-in-the-south-caucasus-political-attitudes-and-the-war-in-ukraine>

Moldovan, A. A. (2023). Vliyanie rossiyskoy migratsii na ekonomiku stran-donorov v 2022 godu na primere Azerbaydzhana, Armenii, Kazakhstana, Uzbekistana i Gruzii [The impact of Russian migration on the economies of donor countries in 2022: The case of Azerbaijan, Armenia, Kazakhstan, Uzbekistan and Georgia]. *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal* [Moscow Economic Journal], (10), 78–86. (In Russ.)

Parma, R. V. (2025). Emigration attitudes and actions of Russian youth in 2020–2025. *Power*, (5), 80–90. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-80-90>

Ponomareva, E. G., & Arlyapova, E. S. (2025). Relocation 2022–2023 as a factor of world politics: Concept, estimates, figures. *International Organisations Research Journal*, 20(3). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-02-09> (In Russ.)

Taisheva, V. V. (2022). Digital nomads and migration processes in the Russian IT sector: A political science analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 460–479. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479> (In Russ.)

Tolts, M. (2023). Emigration from Russia to Israel: Flow dynamics and its components in 1990–2023. *Demographic Review*, 10(4), 52–68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18808>

Zatulín, K. F., Egorov, V. G., Dokuchaeva, A. V., Kramarenko, A. S., Sakulin, S. V., Savina, O. V., Avimskaya, M. A., ... Linnik, T. S. (2023). *Pravovoe polozhenie sootchestvennikov, prozhivayushchikh v stranakh postsovetского prostranstva: sravnitel'nyy analiz* [Legal status of compatriots living in Post-Soviet countries: A comparative analysis]. Prometey. (In Russ.)

Для цитирования: Крамаренко А. С. Новая диаспора? Возможности и инструменты взаимодействия с российскими релокантами в странах Центральной Азии и Южного Кавказа / А. С. Крамаренко // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 108–131. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-108-131.